

он оказывал при этом великую щедрость. Около него стояли чтецы и произносили правила закона; поэты пели свои стихи и гимны. Повсюду читали манифест, объявлявший о таком счастливом событии; трубы звучали; глаза всех были наполнены слезами радости; сердце каждого в удивлении приписывало успехи Аллаху; все уста славословили Бога».

Люди ученые и пажошные толпами стекались из соседних стран, чтобы быть свидетелями взятия Иерусалима. Все эти правверные выражали свою радость каждый по-своему. Историк Эмадеддин, находившийся в Дамаске по болезни, рассказывает, что он при первом известии об осаде Иерусалима вдруг почувствовал себя здоровым и поспешил туда, чтобы разделить всеобщую радость. Он прибыл на следующий день после сдачи. Так как он славился красноречием, то его друзья толпились около него с просьбой написать им письма, которые они желали отправить родственникам и приятелям. В один первый день он написал 70 таких писем. Обстоятельство, особенно возбуждавшее энтузиазм мусульман, по показаниям самих арабских писателей, состояло в том, что день взятия Иерусалима был именно тот самый день, когда, по всеобщему верованию, Магомет чудесно поднялся на небо, сопровождаемый ангелом Гавриилом...

В числе удалившихся из города был также и патриарх; он унес с собой все золотые и серебряные украшения с Гроба Господня. Видя то, Эмадеддин говорит султану:

«Тут будет вещей больше чем на 200 тысяч золотых монет: мы обеспечили христианам их собственность, но не укреплениям церквей». «Пусть их, отвечал султан, – иначе они обвинят нас в вероломстве; они действуют не по смыслу договора, но за то мы вынудим их восхвалять кротость нашей религии».

Вследствие того с патриарха, как и со всех других, взяли 10 золотых монет. Христиане, имевшие чем заплатить, выходили друг за другом из города. Ибн-Алатир жалуетса при этом на жадность эмиров и лиц им подведомственных, которые, вместо

того, чтобы представить эти деньги султану, укрыли часть их в свою пользу.

«Если бы они оставались верными долгу, – говорит историк, – то казна была бы полна. В городе считали христиан, способных носить оружие, до 60 тысяч, кроме жепщи и детей. Действительно, город был велик и население его увеличилось еще жителями Аскалона, Рамлы и других соседних мест. Толпы наводняли улицы и церкви, едва можно было отыскать себе место. Доказательством такой многочисленности служит то, что весьма многие заплатили дань и получили свободу. Вместе с ними удалились 18 тысяч бедных, за которых Балиан внес 30 тысяч золотых; и несмотря на то, оставалось 16 тысяч христиан, которые по имению чем выкупиться были обращены в рабство. Этот факт я заимствую из официальных списков, которые не оставляют никакого сомнения. Присоедините к тому большое число жителей, ушедших обманом, не заплатив дани: одни тайно спустились по веревке со стен; другие купили себе мусульманские одежды и вышли без всякой дани. Наконец, некоторые из эмиров объявили многих христиан своей собственностью (то есть жителями принадлежавших им поместий) и взяли их выкуп в свою пользу. Одним словом, в казну попала самая ничтожная часть дани»...

Христиане, удаляясь, имели право идти, куда угодно: одни отправились в Антиохию и Триполь, другие – в Тир; некоторые же пошли в Египет, чтобы в Александрии сесть на суда и отплыть на запад. По свидетельству историка «Александрийских патриархов»¹, Саладин обнаружил при этом случае большое великодушие. Он дал удалившимся конвой с целью охранять их на пути; те же, которые в числе 500 отправились через Александрию, были освобождены от всех расходов. Так как в Александрии не нашлось в то время корабля, готового к отплытию, то они ждали целых шесть месяцев. Саладин приказал доставлять им все нужное и запла-

¹ История «Александрийских патриархов» охватывает время от св. Марка до XIII в.; она была писана различными авторами, имена которых большей частью неизвестны.